

В. Г. Вовина-Лебедева

Н. Ф. ЛАВРОВ О НОВГОРОДСКОМ ЛЕТОПИСАНИИ

Некоторые научные вопросы имеют такую длительную и оставившую такой глубокий след в культуре историю, что сама она становится важнейшим объектом исследования, вне зависимости от современности или созвучности нашему времени тех или иных ее страниц. Если мы выступаем против того, что С. Н. Чернов называл «потребительским отношением к источнику», естественно полагать, что важна не только критика текста, но и история этой критики. К темам, имеющим такую длительную историю исследования, споров, сомнений и озарений, относится история новгородского летописания.

Одна из утраченных страниц его историографии – творчество Николая Федоровича Лаврова, которому уже была посвящена одна из наших статей¹. Тогда были изучены заметки Н. Ф. Лаврова по поводу книги А. А. Шахматова «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», сохранившиеся в фонде Н. Ф. Лаврова в Архиве СПБНИИ РАН (Ф. 269). Но в архиве Н. Ф. Лаврова существуют и подготовительные материалы к его собственной большой книге по истории летописания, погибшей вместе с автором в первую блокадную зиму. Поэтому была осуществлена попытка реконструировать основные положения этого труда. Результаты помещены в монографии о школах в исследовании летописей². Наша задача сейчас – кратко изложить и суммировать основные наблюдения и выводы Н. Ф. Лаврова, касающиеся новгородских летописей, не приводя в

¹ *Вовина-Лебедева В. Г.* Н. Ф. Лавров за чтением А. А. Шахматова // *Российская история*. 2009. № 4. С. 132–146.

² *Вовина-Лебедева В. Г.* Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011.

подтверждение весь обширный собранный им материал и отсылая за ним к нашей упомянутой выше монографии.

В фонде СПФ АРАН сохранилась краткая аннотация к плановой книге о летописях, сделанная рукой Лаврова: «Тема представляется желательной ввиду того, что летописание XVI в. в научной литературе почти не освещено; последние труды Шахматова и Приселкова обрываются на XV в.»³. Лавров должен был вне плана написать 15 авт. л. монографии, но вообще объем этой работы на год определялся в зависимости от выполнения плановых заданий автора в ЛОИИ. Сразу возникает несколько вопросов. Почему срок написания такого, судя уже по названию, монументального исследования был столь коротким? За первый год работы (1940) Н. Ф. Лавров должен был написать две трети работы, и лишь окончание ее переносилось на 1941 г. Но если сравнить это со сроками, которые давались на другие работы по летописанию, например его коллеге К. Н. Сербиной, то видно, что другим также давалось мало времени. Кроме того, основным направлением работы ЛОИИ в то время считалось издание памятников. Предполагалось, что исследование летописания будет лишь добавлением к изданию летописей, правда очень важным добавлением, отличающим новый тип издания от старого ПСРЛ⁴. Но есть, как представляется, и еще одна причина. Как видно на примере М. Д. Приселкова, в план часто ставились работы, фактически уже выполненные или выполнявшиеся в течение предыдущих лет. Нам известно, что Лавров работал над летописями долгие годы. Он воспринимался коллегами прежде всего как специалист в области новгородского летописания, потому что, будучи активным участником подготовки академического издания Русской Правды, занимался новгородскими летописями, в составе которых сохранились многие ее списки.

Другой вопрос связан с содержанием книги. И в заглавии, и в аннотации она определена как книга о летописях XVI в. Но подготовительные материалы, хранящиеся в ф. 269 Архива СПбИИ РАН, показывают, что на самом деле это была бы книга о русском летописании вообще, такая же, как курс лекций М. Д. Приселкова и посмертно опубликованная книга А. Н. Насонова. Весьма вероятно, что Н. Ф. Лавров думал написать сначала книгу о летописании XVI в., а затем о летописании более раннего времени.

В фонде 269 сохранились тетради с материалами сличения летописей и комментариями к ним, сделанными рукой Н. Ф. Лаврова:

³ СПФ АРАН. Ф. 133. № 1617. Л. 29, 62; № 1618. Л. 2.

⁴ См.: *Вовина-Лебедева В. Г.* Н. Ф. Лавров, А. Н. Насонов, М. Д. Приселков и группа по изданию русских летописей 1936 г. // *Летописи и хроники. Новые исследования.* СПб., 2008. С. 290–308.

№ 7 (12) – постатейное сличение текстов до 1218 г., № 7 (13) – то же за 1220–1296 гг., № 7 (14) – за 1305–1419 гг., № 7 (21) – с 1380 по 1392 г., № 7 (15) – за 1419–1506 гг. Взятые вместе, материалы эти представляют собой постатейную роспись новгородских, южнорусских и общерусских летописей XV–XVI вв.

Отличительной особенностью работы Н. Ф. Лаврова было то, что он сравнивал отдельные летописные известия первоначально вне связи с общим представлением о соотношении текстов. В тетрадах Лаврова видны следы кропотливой и, по-видимому, длительной работы. Лавров разбил текст по известиям и анализировал каждое, находя те места, где расходились чтения разных летописей. Прежде всего рассматривались расхождения между чтениями Лаврентьевской, Радзивилловской, Московско-Академической, Ипатьевской, Новгородской 1, Новгородской 4, Симеоновской, Софийской 1, Ермолинской, Львовской, Новгородской 5, Воскресенской, Никоновской летописей и Рогожского летописца.

Если бы от трудов А. А. Шахматова остался лишь подготовительный материал сличения летописных текстов (а он частично сохранился в составе фонда А. А. Шахматова в СПФ АРАН), было бы, наверное, очень трудно, даже невозможно восстановить его взгляды на летописание. Ход мысли А. А. Шахматова был сложен, он никогда прямо не исходил из наблюдений, сделанных путем сравнения отдельных летописных текстов. Уже поэтому тексты эти воспринимались им лишь как часть строительных материалов для гипотезы, но эти части всегда должны были быть скреплены «цементом» реконструкций, иначе они рассыпались.

В противоположность этому историки платоновско-пресняковской школы, к которой принадлежал Н. Ф. Лавров, всегда стояли ближе к реальным летописным памятникам и работу по сравнению текстов понимали как прямой путь к выводам. Поэтому имеются основания предполагать, что в подготовительных материалах Н. Ф. Лаврова содержатся какие-то фрагменты, возможно вошедшие в книгу. Во всяком случае по ним можно восстановить ход его мыслей.

Первая тетрадь⁵ заключает в себе материал сравнения древнейших известий. С л. 8 следует особенно детальный анализ рассказа о призвании варягов, которому Лавров, как и Шахматов, придавал большое значение. И в рассуждениях по поводу этого рассказа Шахматов, как видно, если обратиться к его «Разысканиям...», использовал свои мысли о первоначальном тексте и его напластованиях, о влиянии на летописца его многочисленных источников, о его стремлении тем, а не иным образом изобразить роль варягов и

⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 269. Ед. хр. 7 (12, тетр.1).

то, что есть Русь. У Лаврова, в отличие от Шахматова, мы видим настоящий формальный анализ разночтений, без элементов реконструкции, но и без примеси «идеологии».

Видно, что мысль А. А. Шахматова о первичности Новгородской 1 летописи (далее – Н1) по сравнению с Повестью временных лет (далее – ПВЛ) сначала казалась Н. Ф. Лаврову сомнительной, но потом возникала у него постоянно, независимо от Шахматова, а только лишь на основе самостоятельного сличения текстов. Но возможность первичности ПВЛ по сравнению с Н1 полностью не отбрасывалась. Возникал и вопрос о том, какая редакция ПВЛ в этом случае первоначальна. Таким образом, Лавров думал о главных вопросах истории древнейшего летописания: о соотношении ПВЛ с Н1 и о редакциях ПВЛ. И оба они были для него не так ясны, как, например, для М. Д. Приселкова, следовавшего целиком за А. А. Шахматовым. Даже можно сказать, что Лавров допускал в определенном смысле правомерность гипотезы В. М. Истрина (о тексте Н1 как сокращении ПВЛ).

Судя по замечаниям на л. 16, Лавров пришел к выводу, что Новгородская 5 летопись, которую он ранее подозревал в восхождении к древнейшей основе, – «позднейшая обработка». Значит, в процессе работы у Лаврова происходила постоянная коррекция первоначальных схем. Отмечая совпадение или несовпадение своих выводов с выводами А. А. Шахматова, Лавров не менее, чем его, ценил мысли о летописании своих учителей-историков, особенно А. Е. Преснякова. В некоторых местах Н. Ф. Лавров, хотя и приходил к выводам, совпадающим с шахматовскими, например, о взаимном влиянии киевского летописания и новгородских летописей, но получены они были совершенно иным, отличным от шахматовского путем.

Вторая тетрадь⁶ представляет собой результаты сравнения текстов с 989 по 1130 г. Тетрадь № 3⁷ содержит материал сличения текстов с 1130 по 1157/58 г. Видно, что Н. Ф. Лавров постоянно думал о возможности большей древности общего протографа Новгородской 4 (далее – Н4) и Софийской 1 (далее – С1) летописей по сравнению с Н1, хотя и не утверждал этого уверенно.

В следующих двух тетрадях встречаются рассуждения, показывающие несомненную близость Н. Ф. Лаврова к шахматовским методам исследования летописей, хотя и приводящие к иным выводам. К Шахматову Лаврова приближало стремление увидеть вставки в летописный рассказ, способность обнаружить их и ими объяснить свои наблюдения. Однако Лавров не пользовался шахматов-

⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 269. Ед. хр. 7 (12, тетр. 2).

⁷ Там же. (тетр. 3).

ским понятием Древнейшего новгородского свода (как и Древнейшего киевского). Вместо этого он писал о новгородских «первоначальных записях». Кроме того, он стремился в тексте Н1 младшей и старшей редакций найти места, идущие от Начального свода, и те, что являются производными от ПВЛ. Между тем шахматовская концепция Древнейшего новгородского свода была тогда воспринята всеми учеными, в том числе М. Д. Приселковым, без какой бы то ни было критики⁸. Лаврову как исследователю пресняковско-платоновского направления эти выводы, вероятно, виделись слишком гипотетичными. В гипотезах о первоначальных летописных текстах он не шел далее признания Начального свода, отраженного в Н1.

Но вопрос о новгородском летописании виделся Лаврову, как и Шахматову, сложным. Об этом говорит замечание на л. 17: «...свод 1430-х или 48 или 1423 может рассыпаться». Отметим также замечание на л. 20: «Таким образом, нет сомнения в том, что нов<городская>ая ред<акция> ПВЛ более поздняя, чем Л<аврентьевская>. Весь вопрос, когда она составлена!» Значит, Лавров все же сомневался в правильности самой сердцевины шахматовских построений – идеях о соотношении Н1 и ПВЛ и в существовании Новгородско-Софийского свода середины XV в. (так называемого «свода 1448 г.»).

Н. Ф. Лавровым был собран обширный материал. Если говорить о выводах, то в первых трех тетрадах он получил материал для отрицания Древнейшего новгородского свода и для утверждения, что протограф Н1 был полнее, чем древнейшие сохранившиеся списки ее младшей редакции (Комиссионный и Академический, далее – АК). И именно этот, более полный протограф Н1 отразился в С1 и Н4. Поэтому там имеются чтения, отсутствующие в сохранившихся списках Н1. Кроме того, Лавров все время думал о соотношении Лаврентьевского и Ипатьевского списков ПВЛ и о возможной первичности именно последнего. Эти выводы предстояло подтвердить или опровергнуть при дальнейшем сличении.

В дальнейшем⁹ большое внимание было уделено анализу Синодального списка Н1 (далее – Син.). В этом месте тетрадой Лаврова можно найти примеры микроскопического анализа текстов. Так, на л. 22 об. – 23 Н. Ф. Лавров сравнивал текст Син. с С1, АК, Н4 за 1199 г.: «В Син. кончается первый почерк, но по содержанию здесь нет никакого перерыва. Почерк одновременный¹⁰, значит, АК – не-

⁸ Лишь позднее от нее отказались большинство исследователей.

⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 269. Ед. хр. 7 (12, тетр. 4).

¹⁰ Указание на то, что Н. Ф. Лавров работал во время московской командировки с рукописью Син. Здесь и далее все подчеркивания принадлежат самому Н. Ф. Лаврову.

которые ред<акционные> изм<енения>, которые, однако, не дают повода для заключения¹¹. АК пропускает в изв<ествии> о постройке церкви князей, упоминание «на Михалици». Н4 восходит к протографу протографа АК, в котором «на Михалици» было, но уже было «мужи», а не «люди». Словом, схема такая:

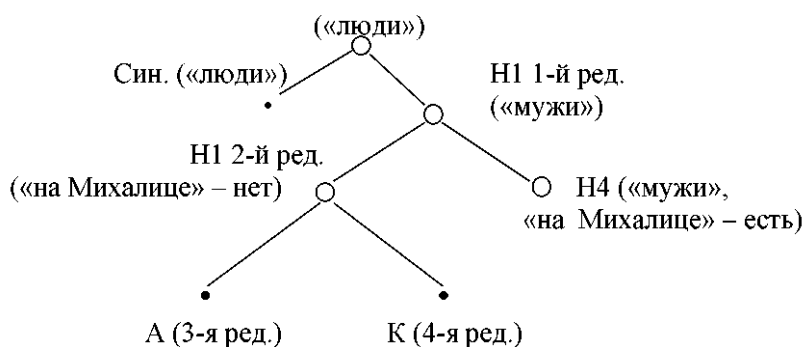

Схема близка к Шахматову».

Последнее замечание особенно примечательно. Видно, что Н. Ф. Лавров постоянно сравнивал себя с А. А. Шахматовым и отмечал случаи совпадения или, наоборот, различия. Далее следует пассаж, схожий с шахматовским: «Ни в Син., ни в АК нет слов, имеющих в Н4 “с Прокшею с Малышевичем”. Эти слова не идут к предыдущему тексту. Они – конец какого-то опущенного известья (схема объясняет их)».

Следующая тетрадь¹² не имеет обложки и номера. Заголовок: «Сличение по всем текстам 1206–1220». Продолжение сравнения уже в тетради № 6¹³. Тетрадь озаглавлена «Софийские летописи, сличенье их с новгородскими и московскими летописями с 1305–1419 гг.». Таким образом, значительная часть материалов сравнения за 1220–1305 гг. (почти за сто лет) отсутствует. Нет оснований думать, что по каким-то причинам Н. Ф. Лавров не провел сличения летописных текстов за этот период. Скорее нужно предполагать, что эти материалы утрачены.

Обращает на себя внимание, что в схеме Лаврова постоянно фигурирует первоначальная редакция Н1 – наблюдение, к которому он пришел, уже работая с текстом «Разысканий...» А. А. Шахматова¹⁴. Об этом же думал в свое время А. А. Шахматов, но по

¹¹ Так в тексте.

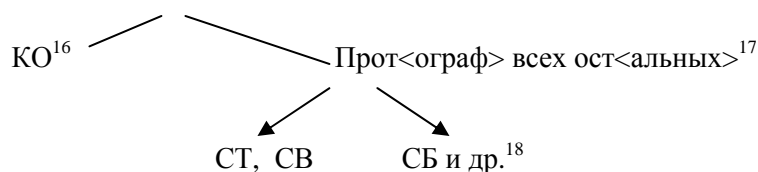
¹² Архив СПбИИ РАН. Ф. 269. Ед хр. 7 (13).

¹³ Там же. (14).

¹⁴ См.: *Вовина-Лебедева В. Г.* Н. Ф. Лавров за чтением А. А. Шахматова...

другим причинам. На л. 78–78 об. по поводу одной из своих схем у Лаврова помечено: «Т. е. в основной части схемы... это почти Шахмат(овская) схема; тем лучше (*ad majorem gloriam*¹⁵ стар<ой> рус<ской> науки). Однако: это не будет свод 1448 , а 1423 – Нов<городский>. Общерус<кий> свод будет более ранним, м<ожет> б<ыть> 1409 или 1412 (Тв<ерь>), а м<ожет> б<ыть> в Тр<оице> или не позднее <?> во всяком случае 1418 г. (если в С1 – Н4 есть рост<овские?> изв<естия> после 1412 г.), либо Новг(ородский) свод будет более поздним, чем 1423. В конечн<ом> счете не исключена возможность все–таки, что это и будет Н4».

На л. 113 об., сравнивая известия Н1, Н4, С1 и Софийской 2 летописи (далее – С2) за 6904 г., Лавров составил следующую стемму:

Под стеммой дано пояснение: «КО ближе к Н1, чем к Н4, напр<имер>, стр. 250 С1, Н1 стр. 381, и Н4 тоже 381. При этом в КО перестановка, не на своем месте».

Из тетради можно увидеть направление мысли Н. Ф. Лаврова. Во-первых, он искал начало московского летописания, и у него получалось, что московское летописание начиналось как троицкое. Троицкие своды он находит отраженными в разных летописных текстах. Далее проблему составляет взаимное отношение этих троицких сводов и дальнейших московских. Постоянное внимание уделялось также соединению московского и ростовского летописания в первой половине XV в. Наконец, Лавров все время менял мнение о Новгородско-Софийском своде и сомневался: существовал он или нет. Он везде шел за материалом, делая выводы и меняя их на ходу. Он почти никогда не пытался, как другие исследователи (в том числе шахматовского направления), «укрощать» текст летописи путем интерпретаций. Наконец, материал показывает, как все-таки Н. Ф. Лавров относился к творчеству Шахматова. В целом ряде случаев он как бы удивлялся, что его наблюдения как будто подтвер-

¹⁵ «К вящей славе» – часть латинского изречения *ad majorem Dei gloriam* (AMDG) – геральдического девиза Ордена иезуитов.

¹⁶ Здесь и далее – списки С1 старшей редакции (Карамзина и Оболенского).

¹⁷ Т. е. протограф всех остальных списков С1 младшей редакции.

¹⁸ СТ, СВ, СБ – списки С1 младшей редакции, соответственно Толстовский, Воронцовский и Бальзеровский.

ждали выводы А. А. Шахматова (а в некоторых случаях – М. Д. Приселкова). Важны наблюдения Н. Ф. Лаврова и для истории текста С1. Этот сюжет был для исследователя одним из основных: списки С1, ее редакции, их соотношение, время возникновения разных вариантов текста.

В одной из ед. хр. в фонде Н. Ф. Лаврова отдельно представлено сравнение летописных текстов за 1380–1392 гг. Эти материалы¹⁹ содержат текст, помещенный на обрезках листов XIX в., сложенных пополам (филиграни «Герб Ярославля», литеры «ЕМЗ», «FKG»), разрозненная нумерация, относящаяся к предыдущему архивному делу, текст нанесен карандашом. Содержание: сравнение Н1, Н5, Н4, С1 и С2. Главную роль играет сравнение С1 и Н4 и поиск их общего источника:

«6888 г. ...Н1 дает довольно подробный рассказ... в Н4, Н5 (Хр.) и КО сокращенный... С1 второй ред<акции> этот текст **опускает**. Выписать тексты. Возможно сокращение текста Н4, но возможен и другой источник – С1 второй редакции – возможно, что и не было этого текста в ее источнике, тогда КО восполняет по новгор<одскому> источнику... Детали: КО и Син<одальный список>... дают “говейно”, тогда как проч<ие списки> Н4 и Хр<онографической> “говѣение” ...;

6888 г. ...в НХрон<ографической>²⁰ нет приписки «а потом будет за 11 лет».²¹ Значит НХрон<ографическая> (Н5) дает более ранний текст, составл<енный> до 1448 г. То же самое в летописи Авраамки... Н1 – этого нет. Разные источники...;

1381 год... С1 сокращает текст. Какой текст первоначальный Н1 или Н4 – нельзя сказать. 1382–6890 г. Н1 дает краткие известия о нашествии Тохтамышша... Н4 – сначала новгородские известия... затем Повесть о Тохтамышше, после чего доп<олнительное> связ<анное> известие о после хана, какого нет в Н1 – затем вновь повторены известия, ранее уже изложенные. НХрон<ографическая> дает только новг<ородские> известия... Как это объяснить? Похоже, что НХрон<ографическая> позднее вычеркивает лишнее? С1 вообще пропускает новгор<одские> известия – содержит только рассказ о Тохтамышше;

1383 г. – (6891). Н1 лишнее известие “копаша ров около Софейской стороны к старому валу” = Более подробно в Н4 и Н5 изложены известия о поездке в Орду. Как будто разные источники...

¹⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 269. Ед. хр. 7 (21).

²⁰ Новгородская Хронографическая (Н5) летопись.

²¹ В расчете совпадений Пасхи и Благовещения. Для Шахматова этот отрывок был определяющим при датировке Свода 1448 г.

СЦ²² дает новые известия о Киприане. Известия о поездке в Орду в отличных от Н4 редакциях.

1385 год. С1 с упоминанием бояр (но без ссылки на архиепископа) о постройке города на Яме. (Светская летопись!) Н1 владычная летопись... НХрон. дает отличный от других списков текст. Несомненно 2 источника: один светский (вечевой). С1 дает известия только о смерти Дмитрия. КО добавляет известие о постройке города на Яме в редакции, близкой к Н1. СЦ²³ дает дополнителные суздальские известия;

1386 г. ...Н1 и Н5 дают сходный короткий текст... Н4 дает известие об Ореховце с дополнениями. Затем подробный рассказ о приходе под Новгород Дмитрия Ивановича Московского... Текст С1 (большинство списков) сходен с Н4. Получается впечатление большей первоначальности текста Н4. Н1 сокращает текст, выделяя роль архиепископа. Если так, надо бороться за древнюю часть. Но два источника?!

1387 г. О смерти Дмитрия Донского) пропуск!!! Как в Московских? Н1 и Н5 дают сходный текст – в Н1 лишь добавлено “князя великого”. Как это с датами смерти? Тут какая разница: и то, и то может быть раньше. Н4 дает ряд явных дублетов. Одним источником является Н1. Дополнительные известия в Н4 о немецких посланцах. Текст С1 сходен с Н4, причем КО добавляет недостающие известия...

Общее впечатление: Н4 составлена после Н1, причем ее источниками были: 1) С1 (кроме КО) 2) Н1 и 3) древний новгородский источник.

1388 г. Н5 дает текст по Н1. А Н4 – текст... дает более пространный. Добавляет о поставлении церкви на Торгу... С1 не дает новых известий и очень сокращенно передает известия – впечатление, С1 решительно сокращает текст и, следовательно, позднее Н4. Подмечать лишние известия в С1;

1389 г. ... (Шахматов не прав. Не было свода 1448 г., где слились все реки русского летописания, не было и Владимирского Полихрона 1423 г. – а разные источники московские и два новгородских);

1390 г. Сложный текст. Н1 дает текст короткий, четкий, из новгородских известий – Н5 дает тот же текст, Н4 дает механическое соединение текста Н1 с софийскими (СЦ)... отчетливо видно

²² Список Царского С1.

²³ У Н. Ф. Лаврова в этом месте стоит «СЦ». Очевидно, это механическая ошибка. Речь может идти только о С1 по списку Царского. Поэтому должно было быть или «СЦ», или «С2 и СЦ».

соединен<ие> двух источников в Н4 – моск<овского> и новг<ородского>.

1391 г. На этот рассказ Н4 дает хороший, четкий, последовательный текст новгородский, но по другому источнику, чем Н1 и Н5 (возможно, переделка, близкая по времени)».

Эти заметки Н. Ф. Лаврова дают более отчетливое представление о том, как он видел историю новгородского летописания XV в. Во-первых, он отверг свод 1448 г., «...где слились все реки русского летописания»,²⁴ а также Полихрон 1423 г. (Полихрон Фотия по Шахматову). В исследуемых летописях он увидел простое соединение источников: московских и двух новгородских. Об этом, по мнению Н. Ф. Лаврова, говорят дублиеты, которым Н. Ф. Лавров придавал большое значение. То, что источников именно два, повторяется несколько раз: московский и новгородский источники соединены в Н4 (СЦ + Н1) + древний новгородский источник. К мысли об этом древнем источнике Н. Ф. Лавров возвращался и в других местах. Но если СЦ (или ее протограф) – один из источников Н4, то С1 сама составлена как сокращение Н4.

В некоторых случаях, по Лаврову, сравнение Н1 и Н4 показывает большую древность Н4 (об этом говорится и в других частях); в С1 соединены два источника: один из них – владычная летопись, другой – светский (вечевой). При этом, анализируя материал под 1387 г., Лавров посчитал, что С1 – один из источников Н4, а относительно рассказа под 1389 г. пришел к выводу, что Н4 раньше и первичнее С1.

Тетрадь № 7 озаглавлена «Сличение софийских летописей с московскими сводами с 1419 по 1506 г.»²⁵ Материал этой тетради касается, главным образом, летописей группы С1 и других летописей конца XV – первой половины XVI в. Н. Ф. Лавров сделал наблюдения, ведущие к выводам, например, о том, что рассказ о Стоянии на Угре С2 и Львовской летописи (далее – Льв.) более первоначальны, чем СЦ и Н5, что Симеоновская летопись (далее – Сим.), С2 и Воскресенская летопись (далее – Воскр.) восходят к общему источнику (л. 86–87). Это – развитие наблюдений А. А. Шахматова, но и критика его и М. Д. Приселкова. На л. 2 читаем о связях Воскр., Сим. и Льв.: «Как было бы просто все это возвести к общему источнику, что и делают Приселков с Шахматовым!!!» Н. Ф. Лаврову ситуация казалась более сложной, он детально проследил ее на протяжении всех текстов. М. Д. Приселков вызывал некоторое раздражение Лаврова, видимо полагавшего, что

²⁴ Это определение «свода 1448 г.» совпадает с тем, которое давал ему впоследствии Я. С. Лурье, называвший его «Нестором XV века».

²⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 269. № 7 (15).

кое-какие выводы Приселкова поверхностны или скоропалительны: «Приселков наврал!» (л. 64); «Как бы это не было подтверждением мысли Приселкова!» (л. 64 об.). Поскольку Лавров все время шел за материалом, то и его собственные выводы менялись: «Они все, действительно, восходят к общему источнику» (о Сим., Льв., Ник., СЦ, СБ, С2, но не Воскр.) Наконец, важно замечание на л. 92: «Очень хороши тексты С2, а между тем, М. Д. Приселков их вовсе не использует; это потому, что он пользуется только материалами Шахматова, а работы Шахм<атова> не идут дальше (в их гл<авном> теч<ении>) выяс<ения> ПВЛ...»

Становится понятным, что Н. Ф. Лаврова не удовлетворяло строгое следование Приселкова за Шахматовым, и, в отличие от него, Лавров решился пересмотреть и заново сравнить те же тексты, которые сравнивал и Шахматов, но взять даже больше – тексты XVI в.

Сам Н. Ф. Лавров считал важным, что у него получилось установить связь между несколькими важными текстами этого времени: Типографской летописью (далее – Тип.), Сим., Никоновской (далее – Ник.), Н5, СЦ, С2 – с одной стороны, между Сим. – Воскр. – с другой. У него получалось, что Воскр. восходит к тому же источнику, что и Ник. и Сим., а не к СЦ, как у Шахматова. Явно, что Лавров не одобрял некоторые приемы работы Шахматова: «На стр. 48 у Шахматова явная натяжка (для док<азательства> существ<ования> свода 1491 г.). (Вообще приемы Шахматова дают возможность установить существ<ование> любого несуществовавшего свода. В Москве в к<онце> XV<в.> только и дела, что составлять новые своды: 1472, 1480, 1491, 1494, 1499)» (л. 100 об.).

В ряде случаев Лавров считал текст Ник. лучше всего передающим протограф. Т<аким> о<бразом>, ясно, что он не разделял подозрительного отношения к Ник. как к поздней компиляции, которое, правда, особенно сильно проявилось в позднейших работах, например у Я. С. Лурье (1990-е гг.). Н. Ф. Лавров и вообще ученые школы А. Е. Преснякова иначе расценивали компиляции XVI в. (многие из которых были изучены А. Е. Пресняковым).

Н. Ф. Лавров предположил, что вопреки мнению Шахматова 1498 годом оканчивается общий московский источник Новгородской летописи Дубровского и Ростовской летописи. На этом и других основаниях он выделил свод 1498–99 гг. как важный этап летописания этого времени, считая, как историк, что «здесь мы распутаем клубок противоречий и выясним политич<ескую> историю времени Ивана III». По Лаврову, свод 1498 г. был московским, но не официальным сводом, направленным против великой княгини Софьи, но выгораживающим Ивана III.

В фонде Н. Ф. Лаврова²⁶ (текст на отдельных нумерованных листках) хранится также отрывок его статьи (или главы), посвященной в основном С1, – вероятно, часть той же книги о новгородских (и общерусских) летописях, что и та, о которой шла речь до сих пор. В набросках историографии вопроса упоминаются не только А. А. Шахматов и его последователи, но и исследователи XIX в., например К. Н. Бестужев-Рюмин и И. А. Тихомиров. Кроме того, обращено внимание на статьи И. М. Троицкого – коллеги Н. Ф. Лаврова по работе в ЛОИИ. В нескольких случаях Лавров соглашался с Троицким (пометы «верно!», «очень хорошо», «начало и конец очень хорош»), но в других имеются пометы иного рода, например: «Не верно! Надо бы возвести к началу XIII века. Стр. 277 – сомнительное для меня место!»²⁷.

В первой части заметок у Лаврова в основном речь идет о Син. Лавров рассматривал его как протограф прочих списков: Н1Мл., по его мнению, скопирована с того же оригинала, что и Син., но местами она полнее, чем Син. Как пример приводятся годовые статьи 1169, 1193, 1194, 1196, 1199, 1200, 1211. («Они полнее, но значит, они имеют протограф приблиз<ительно> этого же времени, который добавлял прот<ограф> Син. (Вряд ли сокращал последний)»).

Источники Син. по Лаврову: «Новгородский Софийский свод»,²⁸ т. е. владычный свод XII в., и Летопись Германа Вояты, но не сама эта летопись, а ее «поздний извод». Третий источник Син. Лавров видел во владимирской летописи типа Лаврентьевской. В другом случае он написал, что третьим источником был Владимирский Полихрон. Как известно, М. Д. Приселков тогда уже его отверг как звено в шахматовской схеме летописания и в этом Приселкова поддержал А. Н. Насонов.

По поводу расчета лет под 1380 г. Лавров не был согласен с Шахматовым. Это место, которое для Шахматова было основанием датировки Новгородско-Софийского свода, по мнению Лаврова, не является датирующим: «Это не значит, что свод был составлен в 1448 г. Это мог вставить один из позднейших переписчиков (“а потом будет за 11 лет”»).

«Важнейшим текстом» Лавров называл статью 1017 г. («В лето 6525 Ярослав иде к Берестию и заложена бысть Святая София

²⁶ СПбИИ РАН. Ф. 269. Ед. хр. 7 (22).

²⁷ См.: Троицкий И. М. Возникновение новгородской республики // ИАН СССР. VII серия. Отд-ние общ. наук. Л., 1932. № 4. С. 271–291; № 5. С. 349–374.

²⁸ Речь идет о своде XII в. Позднее название Новгородско-Софийский свод прочно закрепилось в историографии за сводом середины XV в. (А. А. Шахматов называл его «Сводом 1448 г.»).

Киеве»). Лавров отметил: «надо распутать», «можно думать, что это чтение начала».

Далее идет фрагмент о списках. Лавров выделял «перв<она-чальную> редакцию С1 лет<описи>, исключает сп<исок> Царского, кот<орый> включал известия из др<угих> свод<ов>». Остальные списки подразделены им на две группы (редакции):

1. КО;

2. Толстовский, Воронцовский, Бальзеровский и др. «во второй (редакции. – В. В.) знач<ительное> число новг<ородских> изв<естий> имеется, в 1-й опущено, но опущены и другие».

Язык первой группы, по наблюдениям Лаврова, близок к языку Н4. Лавров полагал, что редакция КО более древняя. «Текст списков 2-ой ред<акции> может быть выявлен из первой».

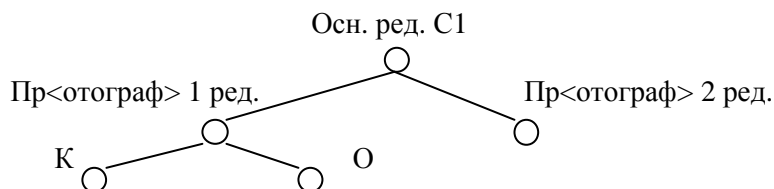
Основной список первой редакции, по его мнению, был доведен до 1422 года. «Эта ред<акция> усвоила свое содержание из Новг<ородского> свода 1448 г.». Из этой фразы явствует, что Лавров, когда писал это место, признал существование этого свода. Более того, он полагал, что «основ<ная> часть свода 1448 г. была доведена до 1422 г.» Это «подт<верждает> и ок<ончание> ред<акции> КО». Свод 1448 – «компилир<овал> новг<ородские> изв<естия> с изв<естиями> общерус<скими> в частности московскими». Под 6962 г. один из рассказов (о Даниле Острожском) восходит к западным русским известиям.

За время XIII–XV столетий, по наблюдениям Лаврова, текст основывается исключительно на своде 1448 г. И наоборот, «за XI–XII в. находят<ся> следы польз<ования> др<угими> источниками»: под 6685 виден ряд событий южнорусских и одно суздальское (отсутствует в Н4); под 6683 со «знач<ительными> подр<обностями>» изложено убиение Андрея Боголюбского (в Н4 – 2 строчки).

По поводу известных отсылок в С1 на какой-то киевский источник типа «а писано в Киевском» Лавров отмечал, что «эта Кие<ская> летопись сходна отчасти с Лавр<ентьевской>, но отчасти и с Ипат<ьевской> и была довед<ена> до конца XII в.» По его мнению, «ничто не доказ<ывает>, что в составе первой ред<акции> должен быть Моск<овский> свод», т. к. опущены антиновгородские известия. Кроме того, «отсут<ствуют> и не новг<ородские> мест<ные> известия – московск<ие> тенденции».

По поводу взаимоотношения редакций С1 Лавров, очевидно, не принимал мнения Шахматова, считая его излишне «сложным»: «Значит, нельзя выводить 2 ред<акцию> из ... КО – зачем же эта сложность! Так и назовем 1 ред<акция> КО, 2 ред<акция> Т<ол-стовского списка> и др<угих> – и Основная ред<акция>».

Ниже он привел свою стемму:

Вторую редакцию С1 Лавров представлял в виде четырех групп списков: 1) СТ, СВ, СБ и др.; 2) СЦ; 3) С2; 4) Новгородская летопись по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку, опубликованная в ПСРЛ, т. VI. Вторая редакция, по Лаврову, была создана в 1456–57 гг. В основе ее лежала Основная редакция, продленная потом до 1522 г.: «Весьма важно. Пропущен по Шахматову ряд изв<естий> (те, которые он считал новгор<одскими> встав<ками> в свод 1448 г.)». Но можно, по Лаврову, было бы поставить вопрос «как раз наоборот», т. е. предположить, что «С1 2-ой ред<акции>, т. е. СТ, СБ и др. – 1-ая ред<акция>». Очень важными казались Лаврову расхождения КО с СВ.

И далее в своей обычной манере Лавров писал: «Решительно удивляюсь Приселкову и Шахматову, считающим, что Н4 и С1 пользовались общерус<ским> митр<ополичьим> сводом, тем более Приселкову, утвержд<ающему>, что свод 1448 г. это митрополичий свод. Нет этого. До какого периода соф<ийский> или новг<ородский> свод (1448 г.) м<ожет> б<ыть> в начале, или далее до XII – пользовались Киевским сводом, а затем обрыв, и затем м<ожет> б<ыть> уже в XIV в., это надо проследить, он начинает пользоваться Московским сводом. Итак, никаких общерус<ских> сводов XIII–XIV не было. Это и естеств<енно>, ведь это период феодальн<ой> раздробленности». И так, здесь Лавров как будто отказывается от Владимирского Полихрона начала XIV в.²⁹

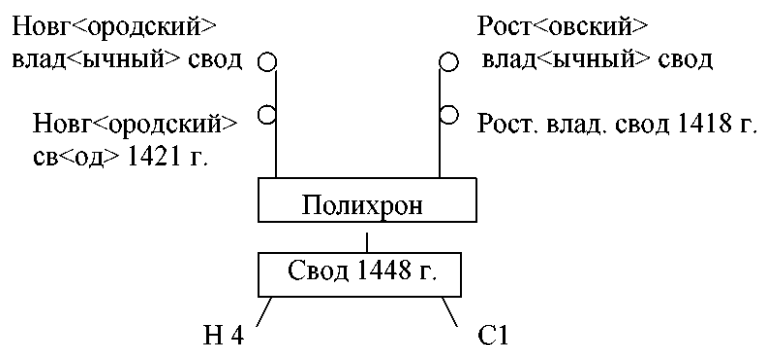
²⁹ Ниже помещен план монографии. По-видимому, так должна была выглядеть книга Лаврова. Из плана видно, что это книга о московских и общерусских летописях. Возможно, работа эта должна была стать отдельным исследованием, произведенным после написания книги о новгородских летописях. Но возможно также, что эти два сюжета (новгородское летописание и московское) в тексте были изложены параллельно, и подготовительный материал фонда Лаврова это подтверждает.

«Гл. I. Начало Московского летописания. Гл. II. Свод Дмитрия Донского – Летописец Великий Русский. Гл. III. Свод нач. кн. Василия Дмитриевича. Гл. IV. Троицкая летопись. Гл. V. Свод нач. кн. Василья Васильевича. Гл. VI. Свод митрополита Ионы. Гл. VII. Хронограф Пахомия Логофета. Гл. VIII. Свод нач. кн. Ивана III.

Затем Н. Ф. Лавров снова возвратился к истокам новгородского летописания. Он повторил уже высказанную вначале мысль о том, что свод Германа Вояты существовал, был написан в 1167 г., что текст сохранил не свод церкви Иакова, а Владычную летопись – свод на основе 1) Киевской летописи до 1167 г.; 2) Новгородской владычной летописи. В Киевской летописи, по Лаврову, находился текст Русской Правды, перечень князей, может быть, – церковные уставы.

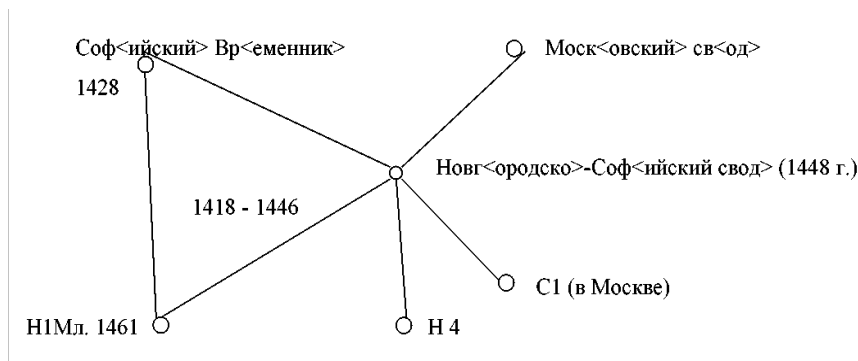
По поводу московского летописания он высказался таким образом: «Летопись рассказывает: множество книг со всего города и из сел было свезено сохранн<ости?> ра<ди?> в Кремль и там сгорели при взятии Тохтамыша в 1382 г. Следовательно, моск<овское> летописание могло не сохраниться. Вот почему Троиц<кая> берет из Лавр<ентьевской>. Но не было ли лет<описания>я до Троиц<кой>? Коренной вопрос моск<овского> летописания XIV–XV вв.»

На отдельном листе нарисована стемма:

На другом листе находится еще одна стемма:

Гл. IX. Свод 1480. Гл. X. Свод 1499. Гл. XI. Троицкая летопись нач. XV в. (Симеоновская). Гл. XII Свод нач. кн. Василия III. Гл. XIII. Хронограф 1512 г. Гл. XIV. Свод 1518 г. Гл. XV. Троицкая летопись 1520 (Сп. Обол. – 1 ред. Никоновской летописи). Гл. XVI. Свод нач. кн. Ивана IV – Воскресенская летопись. Гл. XVII. Летописец начала царства Ивана Васильевича. Гл. XVIII. Свод 1556 г., его продолжения. Гл. XIX. Степенная книга. Гл. XX. Лицевой свод. Гл. XXI. Царственная книга».

В фонде Н. Ф. Лаврова³⁰ хранится также рукопись его более пространной работы (статья или главы книги), посвященной С1. Приводим отрывок из этой работы: «К выводам Шахматова по поводу этих этапов истории русского летописания примкнул и ближайший ученик и последователь Шахматова проф. М. Д. Приселков, внося, однако, существенные изменения в основу построения Шахматова. В своей книге «История русского летописания XI–XV вв.» Приселков, принимая реконструкцию Шахматовым свода 1448 г. на основании С1 и Н4, однако, считает, что свод 1448 г. и был собственно митрополичьим сводом, являясь в своей основе, т. е. до 1423 г., Владимирским Фотиевым Полихроном, составленным в 1418 г. в Москве, продолженным сначала до 1448 г., а затем до 1456 г. в Москве же. При этом продолжение Фотиева Полихрона нашло свое отражение, по мнению Приселкова, не в Н4, как думал Шахматов, а в С1 (в Бальзеровском (? – В. В.) списке). Это последнее замечание Приселкова позволяет, как мне кажется, предположить, что Приселков и Шахматов по-разному представляли реконструированный ими на основании С1 и Н4 свод 1448 г. В то время как Шахматов представлял себе этот свод весьма насыщенным новгородским содержанием и более сходным поэтому с Н4, а С1 сокращением свода 1448 г. именно за счет новгородского содержания, Приселков полагал обратное: С1 ближе отразила свод 1448 г. (а еще ранее свод 1422 г.), тогда как Н4 пополнила его из новгородских источников. Нужно отметить, однако, что хотя М. Д. Приселков и не привел в своей книге подробной аргументации, его взгляды представляются часто более вероятными; и более того, если идти в том направлении, которое намечено в трудах М. Д. Приселкова, дальше, то, как кажется, этот путь может привести к пересмотру построений не только А. А. Шахматова, но и самого М. Д. Присел-

³⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 269. № 18.

кова.* Однако этот путь долог. Для этого необходимо подвергнуть изучению вновь во всей полноте тот материал памятников русского летописания, который был в руках у этих знаменитых исследователей русского летописания»**³¹.

Итак, мы представили обзор подготовительных замечаний Н. Ф. Лаврова о новгородских летописях, которые должны были в окончательном виде войти в его погибшую книгу о русских летописях. Главный вопрос, который может быть нам задан: достаточен ли этот материал для реконструкции взглядов Лаврова? Если спросить, можно ли на этом основании судить о конечных выводах, то, вероятно, нужно ответить – нет. Итоговая картина часто приводит к коррекции отдельных звеньев построения. Но мы видим, в каком направлении работала мысль автора, каков был его круг источников. Мы можем, наконец, судить о его замысле.

Ясно, что если бы книга Лаврова увидела свет, то она стала бы событием в изучении летописания, вызвала бы, вероятно, дискуссии и могла бы повлиять на ход научных исследований в этой области, проводимых во второй половине XX в. Многие моменты истории летописания были позднее изучены отдельно, и ученые пришли к иным выводам, чем Н. Ф. Лавров. Во многих случаях он предвосхитил поздние дискуссии. Это касается, например, сомнений Лаврова в существовании ряда общерусских сводов первой половины XV в. Главными преемниками Н. Ф. Лаврова в этом смысле оказались А. Н. Насонов и Я. С. Лурье. Но многое в истории летописания и сегодня еще неясно, поэтому сомнения и вопросы, которые беспокоили Н. Ф. Лаврова семьдесят лет назад, остаются. В любом случае, даже если какие-то выводы Н. Ф. Лаврова расходятся с сегодняшними трактовками, собранный им материал, сделанные им наблюдения и некоторые обобщения сохраняют свою значимость.

В той части, которая касается ПВЛ, его наблюдения шли в направлении, сходном с тем, как сравнивал отдельные фрагменты текста С. А. Бугославский. Как и С. А. Бугославский, Н. Ф. Лавров критиковал выводы Шахматова, полученные путем внутренней критики («конъектуральным методом», как называл это С. А. Бугославский)³². Но Бугославский был филологом, а Лавров – историком. Следовательно, Лаврова более интересовала не филологическая составляющая текстов, а их содержание. И с другой стороны, Н. Ф. Лавров, как это видно по многочисленным схемам, помещенным в его тетрадях, собирался строить собственную схему летописания, в которой много места занимали гипотетические общие про-

³¹ Текст от * до ** перечеркнут.

³² См.: *Бугославский С. А.* Текстология Древней Руси. М., 2006. Т. 1: Повесть временных лет. С. 61.

тографы реально сохранившихся летописных текстов. Тем не менее его способ мышления отличался от шахматовского. Он был близок к работам своих коллег-историков, учеников А. Е. Преснякова, хотя полностью мы их сравнивать не можем, так как ни один из них, кроме Н. Ф. Лаврова, не занимался летописями более раннего, чем XVI в., периода.

К каким бы выводам мы теперь ни пришли относительно конкретных выводов Н. Ф. Лаврова, с вводом в научный оборот подготовительных материалов его книги о летописях наши представления о масштабе его научного творчества меняются. Из автора единственной, хотя и талантливой статьи о Никоновской летописи³³, а также добросовестного издателя Правды Русской он превращается в одну из значительных величин академической науки 1930-х гг., активного участника научных дискуссий, центральную фигуру крупного издательского проекта нового ПСРЛ, наконец, в автора первого после А. А. Шахматова монографического исследования истории русского летописания (так как книга М. Д. Приселкова была курсом лекций и он не исследовал самостоятельно все летописные тексты, а во многих случаях просто шел за А. А. Шахматовым) – книги, хотя и погибшей, но отчасти теперь представимой.

³³ *Лавров Н. Ф.* Заметки о Никоновской летописи // Летопись занятий Археологической комиссии. 1927. Вып 1 (34). С. 55–90.